

ДЕТСТВИЕ СКИН
КОРМЯ

КАТОВА БОГОВ

ДЕНИС ВАТУТИН

СЕРЫЙ

ВЗГЛЯД БОГА

Annotation

Земля лежит в руинах Древних, а вокруг царствует Вечная Зима. Люди живут под куполами, построенными богами Зодиака. Гангстеры, полицейские, лакированные автомобили и аэропланы. Общество делится на сиблингов и единородов.

Артефактор Заг Моррисон любит джаз, женщин и свою работу. Он определяет свойства артефактов, которые сталкеры приносят из руин Древних.

Из жандармерии он получает задание – найти похищенную дочку богатого бизнесмена. В процессе этих поисков Заг обнаруживает тайный заговор в высших элитах Купола Ироп. Он становится игрушкой в руках власть имущих и вынужден вступить в противостояние с силами, где задействованы оживающие мертвецы и бывшие военные преступники...

Денис Ватутин

Серый взгляд бога

«19 числа, месяца июля, года одна тысяча семьсот двадцать шестого от Вознесения Зодиака Благостного

ДОКЛАД

*поручика жандармского специального отряда старателей,
сиблинга Олафа Йоргенсона*

Довожу до сведения начальника службы старателей Департамента по делам артефактов и Зимней Закупольной разведки генерал-губернатора Николая Петровича Демидова, что приданный мне в подчинение отряд старателей был отправлен на выяснение обстоятельств сотрясения земли за осьмнадцать верст от границы Купола Ироп по северо-восточному направлению, у Дальнего Холма. В результате рейда наш отряд попал в засаду йети, коих мы постреляли изрядно, но и сами потеряли двоих рядовых жандармов. Цель же экспедиции была вскоре достигнута, и нам удалось установить, что Дальний Холм был разломан трясением земли, из-под коего обнажились руины Древних. Подробно обследовать их нам не имелось возможности оттого, что земли и снега, да и глыб каменных вокруг изрядно было. На первый взгляд, здание неказистое, размерами около двадцати локтей в ширину и приблизительно тридцати в высоту. Ни дверей, ни окон не имеющее, что, впрочем, иногда встречается среди прочих построек Древних. Зато на крыше одного сооружения оказалась большая перевернутая металлическая чаша, почти не поврежденная. Со старательской пользы зданию применения лично я не усматриваю. Ни для форпоста, ни для редких находок артефактных. Зарисовки нашего отрядного художника Пантелеймона прилагаю к докладу на рассмотрение высшего начальства».

– Брат Фируз, ты слышишь меня?

– Я не могу не слышать тебя, сестра Анехита. Зачем ты тревожишь мой покой?

– Нужно созвать Большой Круг, у меня есть новости.

– Новости? Разве здесь могут быть новости?

– Ты не поверишь, я и сама не сразу поняла, что это новости, точнее, одна новость.

– И что же это за новость, сестра? Настолько ли она важна, чтобы прерывать мой покой?

– Эта новость может прервать покой всех нас.

– Надеюсь, ты не преувеличиваешь.

– Ты знаешь, не в моих правилах преувеличивать пустоту и приуменьшать необъятное...

– Я невольно услышал ваш разговор и решил выйти из стазиса, братья мои.

– Приветствую тебя, брат Парвиз. Сестра Анехита говорит о каких-то новостях.

– Это и заставило меня присоединиться к вашей беседе. Две тысячи лет я не слышал ни о каких новостях – надеюсь, эти новости касаются нас, а не смертных?

– Ты хотел бы вернуться в мир, брат Парвиз?

– В мир? Хм... даже не знаю, что на это ответить: за две тысячи лет стазиса я много думал об этом. И даже начал находить наше состояние приятным.

– Прошло тысяча семьсот двадцать шесть лет, брат Парвиз.

– Разве имеют значение точные цифры? После смерти Зодиака, который нами

манипулировал и заточил нас в этом Чертоге, мы, обладающие совершенным сознанием, не нашли никаких возможностей покинуть этот древнейший артефакт. Какое-то время я, говоря языком смертных, ощущал отчаяние. Но неизбежность всегда необходимо принять. И мы приняли ее. Так какая разница, сколько времени прошло – нас ждут долгие тысячелетия. Возможно, если смертные справятся с Зимой, однажды они найдут нас.

– Энергия вечна, значит, вечны и мы, брат.

– Так ты не ответил на мой вопрос, Парвиз. Хотел бы ты покинуть Чертог?

– Как и все мы, если появится такая возможность, сестра.

– Недавно рядом с Куполом Ироп произошел небольшой тектонический сдвиг.

– Да, наши датчики зафиксировали это, сестра.

– Так вот, после того как пришел сигнал об этом, я обнаружила чисто случайно, что из-под толщи земли высвободилась одна из наших станций связи, и она оказалась в рабочем состоянии!

– Ну и что с того, сестра? На нашей планете больше не осталось бессмертных, нам это доподлинно известно. Несколько сервов [□](#) хранятся под Куполом, связаться с ними невозможно. Да и чем они нам помогут?

– Я говорю не о сервах, брат Фируз, станция находится всего в восьми стадиях от Купола. И любой из нас может транслировать свое «Я» на энергетическое поле Купола.

– Ты хочешь созерцать бытие этих смертных, сестра? Тебе интересны их мелкие эмоции и животная суета? Не лучше ли построить свой иллюзорный мир в стазисе Чертога? Там ты волен создавать любые миры!

– Дело в том, брат Фируз, что смертные действительно похожи на муравьев, и они тащат в Купол огромное количество нашего оборудования, которым не научились пользоваться и по сей день. Зачем ждать, когда их разум поднимется хотя бы до нижней отметки нашего уровня? Чье-то «Я» может долго существовать в поле Купола, почти как в Чертоге.

– Но это путешествие в один конец, или ты что-то задумала, сестра?

– Конечно, брат Парвиз. «Я» проникает в Купол, а затем находит нужный артефакт связи, что позволит ему оказаться среди людей в виде энергетического тела.

– Зачем? Это же опасно.

– Затем, что это «Я» может поделиться с лучшими из тамошних людей некоторыми знаниями, которые ускорят их прогресс. Тогда люди освоят технологии производства тел для богов. И мы сможем вырваться из Чертога... Я вспоминаю те далекие времена, когда мы жили среди людей. Это было забавно – видеть, как они слушают тебя, преисполненные благоговения, как они умнеют, пробуют постичь нас и каждый раз натываются на пропасть Совершенства. Наш разум достиг полного могущества, но мы перестали развиваться, и я опасаясь, что мы начнем рано или поздно деградировать, пока не скатимся до уровня смертных или не сойдем с ума, как тот Зодиак...

– Хм... что ж, сестра, в твоих словах есть зерно истины! Вырваться из Чертога... это волнующая мысль... Интересная мысль! Я чувствую прилив энергии, хоть это и субъективное переживание... Но свобода – это не просто независимость от Чертога, это – мир! Это Вселенная! Это пространство вариантов!

– Да, стоит пробудить остальных из стазиса и собрать Большой Круг, на котором выберем добровольца для этой весьма интересной, но опасной миссии!

– Нужно все продумать до одиннадцатого порядка вероятностного поля.

– Мне нравится эта идея! Она словно возвращает меня в прошлое! В прошлое без

Зодиака и его гнета!

– К тому же, как я говорила, купол забит ценнейшим оборудованием. Например, мне доподлинно известно, что там хранится Малое Кольцо Иу, одно из его свойств – переносить «Я» в любое брненное тело или цифровой манипулятор!

– Это атрибут Фуада. Мне кажется, он до сих пор в обиде на то, что сотворил с ним тогда Ятим.

– Мы уже давно осознали свои ошибки, брат Парвиз, и сейчас мы все в одинаковых условиях: бессмысленно таить обиды, к тому же Зодиак давно мертв.

– Мой план и должен примирить всех нас меж собой, так как отныне мы обретем свободу, и брат Фуад, пусть и первый из нас, кто попал в Чертог, и по нашей же вине, будет благодарен нам за нашу затею.

– Решено, сестра! Дай сигнал на общей частоте, собираем Большой Круг!..

Глава 1

Артефакт Оури и безумный Макс

Голова трещала, как раскаленная сковородка на снегу, и розовые слоники из комикса про небесного капитана летали перед глазами. Именно поэтому ствол моего девятимиллиметрового «Соера» немного гулял в вытянутой руке, а сам я прикрывал свое брненное тело, спрятавшись между кирпичным углом дома и двумя жестяными замызганными помойными баками. Я напряженно вслушивался сквозь гул в ушах, не слышно ли тихих шагов за углом? Где-то играло радио.

Моя черная шляпа валялась на грязном асфальте в зоне видимости, это как раз в том месте, где подкрававшаяся сзади шестерка двинула меня камнем по голове. Хорошо, что моя шляпа из толстого фетра, да и ударил тот неумело, иначе лежал бы я сейчас там в грязи, и подо мной растекалась бы алая лужа.

Змей бы побрал этих уродов – решили, что я без лицензии и торгую артами!^[2] Неужели мой, пусть и потрепанный «роллинг» вишневого цвета – это тачка для тупых жуликов? Придурки! Одного я, кажется, все же достал, слышал вскрик сразу после выстрела, и фигура покачнулась. Потом-то я уже за угол откатился, не видел, что там...

– Эй! Сиблинг! – раздался хриловатый голос Хью Тарелки из-за угла. – Так не продашь, получается, цацку свою?

Я молчал. Знал, что он хочет навести своих поделщиков на мой голос. А спрятаться в этих трущобах Уркарда можно где угодно. Все дворы тут, как муравейники, белье всюду развешено на веревках до самой земли, кругом баки, контейнеры, ржавые машины старых марок. Из чьего-то окна был слышен новый шлягер Деллы Люкс, которая как раз пела, что под ее окном бродит беспокойная любовь. Очень в тему...

– А жаль, – без нотки сожаления снова выкрикнул Хью. – Мы хотели тебе накинуть по дружбе, так сказать. Мы сперва решили, что ты от легавых. Но теперь ясно, что ты честный фраер! Парень-то ты в нашем районе новый. А новые партнерские отношения следует укреплять взаимным доверием. Правильно, сиблинг?

Я снова промолчал, аккуратно смещаясь вдоль стены за мусорные баки, чтобы получить еще одно прикрытие. Пустая бутылка из-под дешевого виски чуть не попала мне под ногу, и я про себя выругался. А еще я думал о том, что я, Заг Моррисон, полный кретин. Алиса будет нервничать, так как я покинул офис на час, по своим же словам, а Макса я просто задушу собственными руками и сниму с гонораров. Такой подставы я от него не ждал! Не дай Змей, я узнаю, что он специально или денег хотел срубить, тогда я ему не завидую, так как я не злопамятный, просто злой, и память у меня хорошая. Да и в полиции у меня связей много. Только бы не словить пулю от этих придурков, чтоб их Шер спалил... Осталось их всего пятеро... Хотя для меня – *целых* пятеро.

Как меняется цепочка причинно-следственных связей? Что становится тем камушком? Той бабочкой? Скорее всего, ничто – это края соседних событий. Это как часовой механизм, в котором одно цепляется за другое, и стоит тебе попытаться вставить туда не ту шестеренку, не того шага шипы, и тут все идет наперекосяк. Только идиотизм приводит нормального человека к неудачам – я это точно знаю на собственном примере.

Да, вынужден признаться: я – сиблинг! Сиблинг Овна-Фауда. Потомков Древних Богов у

нас уже давно определяют в роддомах. И кроме клейма «сиблинг», нас иногда называют бастардами, а то и ублюдками, так как единороды не то чтоб нас ненавидят, но некая трещина, пусть и небольшая, меж нами есть. Когда-то давно, после Великой Катастрофы Зодиак-Змееносец создал себе двенадцать помощников. Это, конечно, написано в Библии, да только дети и кликуши верят во все это. Но суть в том, что Древние умели что-то менять в людях. И когда Великая Катастрофа произошла, Зодиак и его Святые Боги создали огромные купола-убежища, в которых можно жить. Вот как и наш купол Ироп. Я атеист, как все прогрессивно мыслящие люди, и знаю из научных журналов, что Древние просто изменили некоторых людей и назвали своими потомками, то есть сиблингами. Они действительно умели многое – это по артам видно. Так вот, все сиблинги унаследовали от святых богов некоторые способности. И таких хоть и много, но на фоне единородных – процентов десять – пятнадцать. Не делится Белый дом точной информацией.

Конкретно я, Заг Моррисон, получаюсь наследником Овна-Фауда – умею арты определять и всячески с ними взаимодействовать. У меня даже лицензия имеется, и я работаю с властями, хотя и не в структуре. А способности у наследников есть всякие – от бесполезного разогрева стакана воды до сиблингов, к примеру, Ятима-Скорпиона, которые могут создавать иллюзии или даже мысли передавать на расстояние.

Таких, конечно же, единицы, но единороды все же недолюбливают нас, хотя и непонятно за что, часто дар – это проклятие.

Вот так и случилось в этот раз, меня вызвали на работу по лицензии, надо было поработать на жандармов или копов и определить кучу артов, а за это пособие платят только три раза в год. Зато лицензия у меня государственная, не «альфа», конечно, «бета», но с возможностью частной практики. Я такую и хотел. «Альфисть» вообще только на жандармов и пашут, но я хочу быть по возможности предоставлен самому себе, и так сдергивают по службе, тогда задвигай клиентов. А это – репутация. Но все более-менее.

И тут три заказа от жандармов подряд. Отказать – нельзя. Мои дела затормозились. И вдруг наш арендодатель, решив, что мы на хорошем счету у жандармов, смекнул поднять плату. Обидно? Еще как! Денег-то еще два месяца ждать, а заказы пролетели.

Своему секретарю Алисе, девушке прекрасной во всех отношениях, я плачу жалованье из своего кармана. Ну, Белый дом маленько денег подкидывает – так ведь раз в три месяца!

Короче, долгов накопилось на четыреста талеров: аренда, телефон, пара небольших кредитов плюс по мелочи.

И я решил нарушить закон.

Ну, если смотреть на ситуацию непредвзято, я просто немного поправлял дела незаконной продажей арта, которая в некоторых пунктах моей лицензии была почти легальна. Черный рынок никто не отменял, а я официальный сертифициатор, да и арт-то, если честно, не ахти, и глаза на это закроет любой чиновник, особенно если его хоть немного подмазать. Возможно, я занимаюсь самооправданием, но в экстренных случаях, вот как сейчас, деваться-то особо некуда. Да и в профсоюз я не пойду – там одни мафиози сидят, скорее они меня сами на деньги поставят.

Я понимал, что бандиты сейчас решают примерно такой вопрос: выскочить всем за угол и начать палить во все, что напоминает меня, или же просто метнуться вокруг дома и зайти ко мне в тыл. По крайней мере, я бы думал так. Наверное, есть еще вариант – двигаться по большой дуге от угла, прячась за многочисленными естественными укрытиями. Но так я смогу заметить их маневр. Что же они выберут? Они не обученные полицейские и тем более

не жандармы. Не полезут на пролом (трусость не позволит), но с хитростью и подлостью у них все нормально. Могут выбрать первые два варианта – послать пару человек в тыл, и когда те начнут стрелять мне в спину, остальные трое выскочат из-за угла. И все – они меня накроют.

– Я тут подумал над вашим предложением, – крикнул я, откашлявшись, чуть выползая из-за бака, – и за нарушение нашей сделки я решил всех вас убить. Так как вы обычная дворовая гопота! Такой генетический мусор только засоряет наш любимый Нью-Фауд!

– Ух, какой ты суровый! – с насмешкой в голосе проблеял Хью. – Мы тебя боимся! Не убивай нас, добрый сиблинг!

Я тем временем поднял бутылку из-под виски и намазал ее грязью из ближайшей лужи. Пришлось снять плащ, чтоб не запутаться.

– Нет! – ответил я, тихонько подползая к углу. – Я принял решение, и арт самого Шера сожжет ваши никчемные тела, кои смердят, точно выгребная яма. Так сказано в Писании...

Я заметил чуть в стороне от угла кирпичную трансформаторную будку, маленькую, но как укрытие – идеальна. Конечно же, никакого арта Шера у меня не было.

– А если мы попросим прощения? – Голос Хью дрожал от едва сдерживаемого смеха.

– Зодиак простит вас, единороды! – Я размахнулся грязной бутылкой, резко швырнул ее за угол и тут же совершил кувырок на линию огня.

Послышались беспорядочные выстрелы...

Как я и предполагал, все внимание было направлено на странный предмет, напоминающий пузатую бутылку, но вполне могущий оказаться гранатой или нестандартным артефактом.

Я резко привстал на колено после кувырка и, вскинув пистолет, поймал в прицел Хью. Выстрелил. Тот вскрикнул, схватившись за бок, и повалился на тротуар. Я резко перевел ствол на ближайшего бандита и снова выстрелил – на этот раз попал в грудь. Человек в сером пальто, раскинув руки, рухнул навзничь. Все – эффект неожиданности закончился.

Меня спасло то, что я ранил Хью, вырубил его помощника. А сейчас пришлось убедиться в собственной правоте (хоть и неполной): трое, а не двое бежали в обход дома.

Услышав стрельбу, они уже разворачивались, но я опустошил остаток обоймы в сторону их спин и перекатился за трансформаторную будку. Почти сразу выглянул из-за ее дальнего края.

Все трое лежали на земле, один – тот самый скот, что треснул меня по голове. Но двое точно не были мертвы, они ползли по асфальту к некрашенной лавочке, пытаясь прикрыться ею. Только распластавшийся на земле человек отличная мишень.

Я отцепил с ремня запасной магазин и, отщелкнув опустевший, вставил новый, передернув затвор, досылая патрон.

Мне понадобилось четыре выстрела, чтоб они замерли, и из-под их тел стали разливаться красные лужи. Я вновь выругался, так как два патрона это два талера. А магазин у меня был последний. Вот не собирался я сегодня воевать даже в мыслях. Ну, Макс, скотина...

Хью продолжал корчиться на асфальте, прижимая окровавленные руки к бедру. Судя по пятнам крови, рана была нехорошая – наверняка задета артерия.

Я, держа ствол наготове, медленным и ровным шагом вышел из-за будки. Не торопясь, подойдя к скрюченному на асфальте Хью, я носком своего ботинка развернул его лицом вверх.

– Ну что, Хью, – тяжело дыша, спросил я, – вызвать тебе скорую?

– Ублюдок Ангров, – простонал тот. – Чтоб ты сдох...

– Прости, парень, – ответил я, – у тебя не вышло, а у меня получилось. Скажи же, не я это начал? Сегодня твоя тарелка упала на асфальт.

– Ладно... – Голос Хью стал слабеть. – Ты не фраер, я понял... вызови лепилу... мне хреново...

– Хорошо, – сказал я как можно убедительнее и, отойдя на шаг, выстрелил ему в голову.

Зачем мне лишние проблемы? Незачем. Да и не жалко этих.

Змей великий, ну почему у меня все через задницу? Хотел же все нормально сделать. И ведь собирался сегодня после удачной сделки сходить в «Синий бутон» на джаз-банд «Дворовые коты», там Генри Маллинга играет Рой, мой старый товарищ еще по академии. Да и потом мы с ним вместе долго тусили: квартиру снимали, я даже пытался научиться играть на саксе, правда, безуспешно. Зато я был свидетелем рождения новых настоящих песен, которые потом могли стать хитами. Хотел было позвать с собой Алису, а то она девушка нездешняя, какая-то скованная.

Сколько времени? Я вскинул правую руку со своим хронометром «Радо» – подарок от полиции Нью-Фауда с гравировкой.

Уже половина седьмого. Эх, могу успеть на конец концерта.

Я обшарил карманы остывающих трупов. Улов был невелик – что-то около восемнадцати талеров, гораздо меньше, чем я собирался получить за продажу арта. Но, во-первых, отбил патроны, а во-вторых, как говорят у нас в деревне, – с паршивой овцы хоть шерсти клок. Некоторое время я колебался: снять ли с пальца мертвого Хью золотой перстень с рубином, но потом подумал, что слишком заметная штучка, и плюнул в лужу. Бумажники я положил в пластиковый пакет, а затем в машину – сожгу потом, чтоб отпечатки не стирать.

Издали, с Двадцать первой авеню донесся надрывный вой полицейских сирен, и я предпочел убраться через лабиринт дворов Уркарда на кольцевую дорогу.

«Роллинг» взревел своими шестью цилиндрами, оставалось только надеяться, что никто не обратит внимания на распространенную марку авто, а номера я предусмотрительно заляпал грязью. При любом раскладе встреча с копами не сулила мне ничего приятного.

Руки мои еще немного дрожали, голова болела, помятая и грязная шляпа лежала на заднем сиденье вместе с моим фиолетовым плащом. Я включил радио.

– Глава фонда Мозес Шпигель, в частности, заявил, – сказал приятный женский голос, – что новые медицинские технологии...

Я переключил на свою любимую волну «Джаз-бомб» и на полуфразе поймал песню Джениз Холидей Strange Fruit. Песня печальная, но голос у нее потрясающий, конечно.

Настроение было паршивым и никак не поправлялось. Я достал сигарету из пачки Old Gold и, пытаясь унять дрожь в руках, прикурил от своей зажигалки «Заппа».

Джаз меня успокаивал, хотя многие говорили, что это дикая музыка. Или еще хуже – пахнувшая нафталином. Так-то я и современный блюз слушаю и самое модное направление rock and roll, хорошая безбашенная музыка. Но джаз мне ближе.

Я раздумывал, а не позвонить ли мне Алисе. Телефон в моей машине был, но кристалл связи держал заряд уже плохо – нужно менять, а денег нет. Лучше я доеду до ближайшего таксофона.

Мимо проехала пара полицейских «паккардов» с мигалками, и я задумчиво проводил их

взглядом. Вроде ни одного знакомого мне экипажа.

Мне было любопытно – почувствуют ли они облегчение, увидев трупы бандитов, и станут ли давать ход делу? Да, сэр! Почувствуют! И нет, сэр, уверен – не станут. Другое дело, если выйдут по уликам на сиблинга. Но это маловероятно.

Я остановился на углу Мэдисон-авеню и Девятой улицы, чтобы позвонить.

– Алло, – произнес я после третьего гудка.

– Экспертное агентство «Белый квадрат». Определение артефактов, решение спорных случаев, лицензия «бета», – ответил нежный голос Алисы.

– Это я, Ал, – сказал я в трубку. – Не хочешь сходить на концерт? Там Рой играет...

– Шеф, я уже думала объявлять вас в общий розыск, – ровным голосом ответила она. –

С вами все хорошо?

– Да, крошка, – бросил я непринужденно, – не волнуйся... денег немного, но есть.

– Поберегите их на мое жалованье, если нетрудно, – так же ответила она.

– Алиса! – вознегодовал я. – Я твой босс! Я всегда тебе плачу, даже когда все плохо, как сейчас. Я хотел пойти на концерт Роя и думал, что позову тебя...

– Прошу прощения, босс, – не знаю, откуда я чувствую ее насмешку в голосе, – мне нужно кормить Саммерса. Если бы вы предупредили заранее...

Саммерс – это ее кот, она получила от меня прозвище «мать всех кошачьих». Она снимает меблированные комнаты в Арго. Стоит это недешево. И плачу за это я.

– Надеюсь, у Саммерса будет сегодня хороший вечер, – сказал я и повесил трубку на рычаг.

Настроение еще немного передвинуло стрелку к нулю. Эх, как же я хотел поехать с Алисой летом на курорт, на море... Да все как-то не складывалось.

Вообще-то, Алиса хороший человек, но какая-то – не знаю, как выразиться, – слишком правильная, что ли? Положа руку на сердце, лучшей секретарши найти просто нереально: и неглупа, и красива, и дотошна в делах, прям-таки перфекционизмом от нее иногда веяло вперемешку с ландышем. Но я всегда считал, если человек согласно трудовому законодательству проводит на работе треть жизни, то отношения в коллективе обязаны быть теплыми и дружескими. Но Алиса не то чтобы прямо сухарь в очках, просто подчеркнуто держит дистанцию и ведет себя, как аристократка. Высокая тонкая брюнетка с пухлыми губами и немного округлым подбородком. А главное – это ее зеленые глаза ближе к бирюзе, дразняще-прохладные. И непослушная, но красиво изогнутая челка. Наводил я о ней справки. Алиса Линсдэйл вроде обычная, к тому же единокорка. Первое время я думал, что ее холодность связана с моим происхождением, но единственное, в чем Алиса проявляла реальную заинтересованность, это как раз были мои способности и работа с артами. Она даже пару раз говорила с сожалением, что не родилась сиблингом. Мне всегда было неловко от ее слов, – ведь я с даром просто родился, и это заслуга моих родителей. Тем не менее Алиса замирала, как рысь перед прыжком, когда я брал в руки арт или закреплял его на кондукторах определителя и подстраивал реостаты. Да, она мне нравится и как девушка, может, потому я так резко ощущаю ее холодность? Ну и Змей с ней, с этой кошатницей...

На светофоре зажегся зеленый свет, и я надавил на акселератор. Я все равно поеду в «Синий бутон». И сделаю это по трем причинам. Во-первых, я обещал Рою, что приду, во-вторых, мне тут пришлось стрелять и убивать людей, а я этого не люблю, и потряхивает меня до сих пор – надо хоть немного принять на грудь, а в-третьих, туда должен заявиться Макс, который обязан получить за все сполна. Настроению должна поспособствовать хорошая

порция виски. Но виски справится не целиком. Да. Еще, в-четвертых, назло Алисе, которая даже не спросила меня, как прошла встреча, и почему я так задержался. Вообще я на нее разозлился...

На улицу с пасмурного серого неба лился серый свет. Он наделял этим же цветом все вокруг, включая силуэт полицейского патрульного дирижабля. Купол сейчас заметить невозможно. Впрочем, он же прозрачный, хоть толщина его впечатляет: работа Древних, а у них все серьезно. И в ясную погоду сквозь него хорошо видно небо, блики «близнецов»: два пятна от лучей светила, преломляющихся в энергетическом поле. Облака и ветер почти целиком проходят к нам извне, постепенно нагреваясь после Вечной Зимы. Видно и само солнце, что не может самостоятельно прогреть нашу умирающую планету, на которой уже почти две тысячи лет Вечная Зима и ледяные смерчи Хиусы. Греет наш Купол генератор «ГоГен»^[3] – тоже изделие Древних. Он же дает энергию всем артам, да и много чему еще (в частности, усиливает зед-поле, используемое сиблингами).

Сложное у меня отношение к Нью-Фауду. Его башни небоскребов вызывают восторг, его трущобы – отвращение. Город контрастов, сказал бы я – сверкающие неоновые вывески и ярко освещенные витрины, погруженные во мрак закоулки, нищие и проститутки, полицейские и бандиты, богачи и клерки, напыщенная аристократия и работяги. Только начинаешь любить этот город, и обязательно, как муха в стакане, возникает какой-нибудь Хью Тарелка или другая гнида.

Вообще в такие моменты эта общая серость города давит, создавая ощущение, что на меня смотрит серое небо! Как оно может смотреть? Наверное, взглядом мифического бога.

Вот там, на моей малой Родине, хоть и более провинциально, но как-то душевнее.

Мой родной город Лиддитаун, это сто километров на восток. Переехал в Нью-Фауд в восемнадцать лет, когда меня направили в Академию содействия правительству (АСП), где обучают и сертифицируют сиблингов. Родители остались в Лиддитауне. Я стараюсь навещать их почаще, но получается не всегда.

– Новый вкус «Нести Боб» – утка в шоколаде! – Визгливый крик мальчишки-разносчика вывел меня из задумчивости. Я закрыл окно.

Постояв около двадцати минут в пробке на повороте с Биггл-стрит на Арт-авеню, я наконец-то увидел разрывающую серую осеннюю хмарь ярким светом вывеску «Синий бутон». На ней мерцал силуэт девушки без платья (прямо скажем, обнаженный силуэт), она раскрывала руки, и там загорался синий цветок.

Я едва нашел место для своего «роллинга» на клубной парковке, так как концерт уже начался, и, накинув плащ и оставив грязную шляпу и пистолет в машине, поспешил в клуб, небрежно сверкнув перед швейцаром клубной картой.

В полутемном фойе сдал плащ, взял номерок и направился к входу в зал.

Пахло табаком и женскими духами, звучала музыка.

Мне повезло! В кои-то веки! «Дворовые коты» еще не вышли на сцену – под музыку местного джаз-банды (кстати, довольно недурного) на ярко освещенной сцене выплясывали чечеточники: два парня в бордовых смокингах и стройная девушка с накачанными ногами в сетчатых чулках и в короткой блестящей плиссированной юбке. Сочно и красиво, со свингом отбивали они своими каблуками.

Я окинул взглядом зал в полумраке, увидел несколько знакомых лиц, но решил не подходить, так как мне хотелось побыть одному какое-то время, точнее, каких-нибудь сто пятьдесят или двести грамм выпить в одиночестве.

Свободный столик нашелся рядом со сценой у самой стены. Меня это вполне устроило, так как я вообще люблю сидеть у стен, с краю, так, чтоб можно было видеть всех и спина была прикрыта. Наверное, память пещерных предков.

– О! Заг! – раздался звонкий девичий голос, как только я уселся за столик. – Давненько я тебя не видела! Как ты?

– Привет, крошка! – Я старался не выдать разочарования на лице. – Работы куча и сил нет на гулянки. Вот пришел Роя послушать. Да и день не особо удачный.

Голос принадлежал симпатичной рыжеволосой девушке в черном облегающем платье, с чувственными, ярко накрашенными губами и серыми большими глазами, на которые падала тень модной шляпки от Emme. Ее звали Сьюзи, она была глупенькой, доброй и болтливой. Относилась к категории содержанок, и последний ее мужчина пытался заставить девушку выучиться на машинистку. Но Сьюзи не хотела овладевать какими-либо профессиями, так как считала, что в этот мир она явилась, чтобы дарить людям радость. Ко мне она почему-то по-прежнему испытывала интерес, несмотря на то что мы давно уже встречаемся, да и наша интрижка была для обоих мимолетным приключением, не более. Но Сьюзи упорно считала меня своим другом, а я не возражал – просто с ней было скучновато. Зато она знала все светские сплетни, хотя ее партнеры были из различных слоев общества, но в основном из привилегированной его части.

– Заг! Ты не представляешь, сколько всего произошло, пока мы не виделись! – Сьюзи присела за мой столик, и я понял, что мне понадобится не двести, а триста грамм виски.

Она достала тонкую бежевую дамскую сигарету Tayerton и вставила в изящный эбонитовый мундштук с фальшивой позолотой. Я заученным движением щелкнул своей зажигалкой.

– Графин «Девы Самии» и... что ты будешь, Сью? – Я пытался сделать заказ подскочившему тихонько официанту.

– Конечно шампанского! – воскликнула девушка, выпустив дым к потолку.

– И бокал «Дрю Бэрримор». – Я решил, что выдержу ее максимум один бокал.

Не настолько я сегодня богат, чтоб угощать посторонних болтливых женщин сверх меры.

– Что-нибудь из еды? – предложил тощий официант с тонкими, закрученными, напомаженными усами.

– Да, – кивнул я, – пожалуй, ростбиф с картошкой фри и чесночным соусом. А тебе, Сью?

– Я не голодна, – смилостивилась девушка, – у меня куча новостей!

Официант ушел, а я рассеянно слушал Сьюзи, которая фонтаном изливала на меня кучу шелухи, в которой могло проскользнуть и зернышко, да только это чуть чаще, чем предсказанное Второе Пришествие Змея.

– А я ей говорю: «Дороти, ты совсем со своим Алексом голову потеряла, если он тебе скажет сброситься с «Трезубца»^[4], ты и побежишь! – вещала Сью. – А ведь еще недавно по тебе сохли трое вполне приличных мужчин!» Жалко, она тебе не нравится. Ты бы этого Алекса быстро привел в чувство...

Тут кларнетист диксиленда выдал громкую гундосую партию, заставив поморщиться. Я, краем уха слушая болтовню Сьюзи, внимательно следил за входом, стараясь не пропустить Макса, и одновременно ждал «Дворовых котов» – концерт оказался длинным, что в «Синем бутоне» редкость. Наконец принесли заказ, и первое, что я сделал, это плеснул в стеклянный тумблер с фирменной эмблемой клуба до краев «Девы», тут же опрокинув его в свои недра.

На сцене появилась пышная девушка в красном платье с глубоким вырезом, и джаз-банд грянул вступление к песни «Ангелина». Девушку эту звали Таня Сурли – заурядная певичка, но более-менее хороший человек. Некоторые пары вышли на танцпол у сцены. Среди танцующих я заметил двух полицейских инспекторов в штатском, с одним я даже тесно знаком по работе. Это высокий, носатый и белобрысый Грег Палмер с набриолиненными волосами из нашего Национального отдела по борьбе с незаконным оборотом технологий (НОБНОТ). Под словом «технологии» подразумевались, конечно же, артефакты.

Я старался прогнать из головы картинку с развороченным черепом Хью Тарелки и бордовым пятном на тротуаре. Пришлось снова налить. Где взять денег? Брать в долг очень не хотелось.

– ...И теперь ей приходится глотать валиум пачками! – услышал я, и в моем мозгу что-то замкнуло.

– Кому? – переспросил я Сью.

– Я же тебе говорю! – округлила и так большие глаза Сьюзи. – Дороти! У нее нервный срыв! Денег куча, а мозгов – ноль! Врачей она боится, говорит: «Ненавижу врачей, им приходится платить за дурные вести!» Конец цитаты...

– У нее бессонница? – снова уточнил я.

– Еще какая! Зачем еще жрать валиум, если, конечно, не хочешь покончить с собой, брр. Это все от кокаина и Алекса... – Сью захлопала ресницами, словно пластиковая кукла.

– Сью, – сказал я серьезно, как только мог, – возможно, я смогу помочь твоей Дороти...

– Заг! – Сью перешла на театральный шепот. – Я знала, что на тебя можно положиться! Ты же настоящий сиблинг и знаешь всякие эти штучки!

Она неопределенно повертела ладонью в воздухе, обозначая те самые штучки.

– Да, – кивнул я, чувствуя, как теплая волна алкоголя расслабляет, наконец, напряженное тело и разум, – у меня есть одна штучка специально для нее, случайно попала в руки. Ничего незаконного – сертификат мой личный.

– Ой, как же здорово! – Сью захлопала в ладоши.

– Только никому ничего не говори, – нахмурился я, – иначе у меня будут неприятности. Ты же знаешь жадность этих жандармов, которые за любую мелкую ерунду могут распилить мой мозг на двенадцать частей!

– Конечно! – заговорщицки прищурилась Сьюзен.

– Даже Дороти не говори! – назидательно произнес я. – Скажи, что сама нашла через десятые руки.

– Слушаюсь, сэр! – Она с какой-то детской дурашливостью подняла руку к виску. – Во сколько это обойдется несчастной девушке, которая не знает, куда девать деньги?

– Это малый артефакт Оури, – сказал я, – на черном рынке он стоит в районе шестисот талеров, а я отдаю за четыреста.

Я говорил абсолютно честно, именно так я и собирался продать этот арт Хью Тарелке, не опасаясь перекрыть рыночные цены. Потому и необходимо было продать его самому, но аккуратно: на черном рынке арт взяли бы легко, но по бросовой цене – двести пятьдесят – триста талеров.

И в этот момент я заметил человека, пробирающегося вдоль стены в сторону ступенек, ведущих на сцену. У него был высокий лоб, мелкие черты лица, карие глаза и темные кудри. Это был мой товарищ Рой Сабковски, гениальный саксофонист из «Дворовых котов».

– Здравствуй, Сьюзи, – кивнул он девушке, подойдя к нам. – Заг, дружище, – обратился ко

мне, – ты все же притащил свой зад на мой концерт! Я потрясен!

– Не ври перед прекрасной дамой, – я пожал ему руку, – я почти всегда прихожу на каждое твоё выступление и вынужден при этом выслушивать кучу какой-то попсы. Ты должен понимать, на какие жертвы я иду! Я человек с тонким музыкальным вкусом!

– Заг, я тебя умоляю! – Он прижал руки к своей белоснежной манишке. – Твой тонкий музыкальный слух ласкают полицейские сирены и писк твоего определителя...

– Спроси мою секретаршу, какие пластинки я ставлю в офисе, и ты все поймешь. – Я сделал лицо оскорбленной невинности. – Ты лучше скажи, когда ты вылезешь все же на этот педжент?^[5] И почему ты до сих пор не работаешь в мюзик-холле?

– Сюзанна! Как ты терпишь этого человека?! – выпучил глаза Рой. – Друзья для него это какие-то букашки! Он любит унижать близких!

– Ну, Рой, ты преувеличиваешь! – Сьюзи покачала головой. – Заг очень чуткий и внимательный человек! И прекрасный мужчина...

– К сожалению, я больше тянусь к женщинам, – улыбнулся Рой и, похлопав меня по плечу, добавил: – Только попробуй сбежать до окончания концерта, Дункан!

Это было еще в академии – мои друзья нашли сходство между мной и персонажем комиксов Дунканом Маклаудом. Это такой бессмертный житель волшебных гэльских гор, владеющий мечом. И друзья продолжали подкалывать меня просто так все последующее время. Рой тоже был сиблингом, и ему повезло больше, чем мне, он был сиблингом Водолея-Дильдара – то есть хорошо слышал звуки. И работал по этому профилю.

– Ладно, Флэш, – махнул рукой я, назвав в ответ его студенческой кличкой, – иди готовься к священнодействию.

И тут я увидел, как в дверях зала появился Макс...

Было ощущение, что Макс – это человек-фоторобот. В полиции есть такой метод составления портрета преступника из различных деталей лица. Так вот он состоял, казалось, из абсолютно разных деталей. Маленькие хитрые глазки, немного свисающие щеки, вывернутые ноздри, словно у летучей мыши, бочкообразное тело.

Год назад Макс проходил по делу о крупной афере с артефактами в фармацевтической компании, и я здорово помог ему, аккуратно сняв его задницу с раскаленной сковородки. Он любил тотализаторы и частенько ошивался среди сомнительных типов, потому я сделал его своим осведомителем. Не то чтобы он был у меня один единственный, но регулярно подкидывал очень важную и нужную информацию за небольшое вознаграждение. Правда, и проблем с ним, как хвой с засохшей ели, и я давно обещал ему при первой же возможности сдать его властям. В ответ он как-то несерьезно реагировал на мои угрозы, так что периодически приходилось его слегка бить. В педагогических целях, потому что он не понимает иначе, а я сильнее его.

Одет он был в короткий и якобы модный плащ черного цвета, больше напоминавший старинный сюртук. На голове красовался неновый котелок под цвет плаща.

Макс, как и некоторое время назад, оглядел зал, не заметил меня, но задержался взглядом на сцене. Потом он еще около минуты крутил головой, напоминая локатор.

И тут я заметил, как Грег Палмер, вставший из-за своего столика, направился к выходу, вышагивая, словно цапля. Грег так всегда ходит, когда на службе, значимости себе придает, что ли? Это меня насторожило.

А Грег меж тем подошел именно к Максиму и что-то ему сказал. Макс посмотрел на него снизу вверх и развел руками. И в этот момент из дверей фойе вышли двое дюжих копов,

которые схватили Макса за руки и аккуратно заломили их за спину.

Вот это уже мне не понравилось совсем.

– Прости, Сьюзи, – я искренне прижал руки к груди, прерывая ее на полуслове, – тут кое-какие дела образовались, мне нужно ненадолго отлучиться.

Какое-то время она занималась своей фирменной мимической композицией, то есть хлопала ресницами.

– Заг, только ненадолго, – наконец милостиво разрешила она. – Мы с Роем тебя очень ждем, ты знаешь...

– На каком таком основании?! – возмущался Макс, безумно вращая зрачками, впрочем, абсолютно не дергаясь.

– О! И второго не придется искать! Привет, Заг! – улыбнулся мне Палмер, когда я вышел как можно спокойнее в фойе.

– Привет, Грег. – Я пожал протянутую руку. – Под словом «второй» ты, кажется, имел в виду меня? А это довольно обидно, учитывая, что слово «первый», вероятно, относится к этому недоразумению, которое иногда на меня работает. Неужели Макс ступил на скользкий путь преступности?

– Заг, давай поговорим об этом в участке, – попытался отмахнуться Палмер. – У меня ориентировка на него. И ты тоже понадобишься прояснить некоторые моменты.

– Какого Хиуса?! – Я округлил глаза. – Грег? Я пришел культурно послушать музыку, сегодня, вообще-то, Рой выступает! Ты устраиваешь задержание прямо в клубе, причем моего же осведомителя, и говоришь – поехали в участок! А хоть пару слов сказать своему коллеге, работающему, между прочим, еще и на жандармерию? Это как-то не *comme il faut*^[6] ни фига?

– Заг, – Палмер устало вздохнул, – у меня приказ шефа задержать Макса Качински как свидетеля по делу об убийстве и возможного подозреваемого.

– Заг! Дружище! – Макс заметил меня и вытаращил глаза, словно краб. – Спаси меня! Я никого не убивал, Змеем клянусь!

– Это кого же он грохнул? – отмахнулся я, начиная кое-что понимать.

– Да... тут, как тебе сказать... Если только по секрету. – Грег понизил голос. – Час назад в Уркарде, в девятом районе пристрелили мелкого гангстера Хью Тарелку. Слышал про такого?

– Что-то краем уха, – нахмурился я с серьезным лицом, – но не поручусь. По моим делам точно не проходил.

– Наркотики, рэкет, контрабанда, в общем, как обычно. – Я почувствовал внутреннее облегчение. – Пристрелили его вместе с шестерками. По мне, так и воздух стал чище. Но свидетели сказали, что, во-первых, видели какой-то вишневый «роллинг», а еще в «Красном скорпионе» – местном кабаке опознали этого клоуна. Что-то он с Хью обсуждал... Ну, Стокер и сложил два плюс два.

– Знаешь, сколько в Нью-Фауде вишневых «роллингов»? – спросил я и, не дав ему ответить, продолжил: – И почему этим не уголовка занимается?

– Стокеру как раз из уголовки и позвонили. – Грег сделал свирепое лицо. – Мое дело отреагировать, Заг.

– Это все Бреггер, – процедил я сквозь зубы, – скотина...

Грег развел руками, мол, а я-то тут при чем?

Я решительно подошел к гардеробу и кинул на стойку монету в десять сантимов.

Гардеробщик вынул с внутренней полки черный блестящий телефон, похожий на жука-скарабея. Я набрал номер и подождал три гудка.

– Стокер на проводе, – раздался грубый прокуренный голос.

– Здравствуйте, господин старший инспектор, это Заг Моррисон, лицензия номер пятьсот семьдесят сорок шесть «бета».

– Моррисон! Сукин ты сын! У тебя еще хватает наглости мне звонить! – От рычания в трубке у меня зазвенело в ушах. – Это же ты! Я знаю, что это ты! Это твой почерк! Мы оба это знаем!

– Мне тоже очень приятно слышать ваш голос, господин старший инспектор, – ответил я как можно спокойнее, – я просто хотел бы...

– Ты не хотел бы привезти свое табельное на баллистическую экспертизу?! «Соер-47 тактикал», девять миллиметров, кажется?! – вновь заорал мой шеф. – Смотри, лаборатория еще не закрылась! Или тебя подвезет инспектор Палмер? С нарядом?

Его рык так гремел в мембране, что, казалось, в тишине фойе все слышат каждое слово. Я, словно в визоре, увидел его красное лицо с густыми бакенбардами.

– Господин старший инспектор, – вставил я, рассчитав именно тот момент, когда он хватается ртом воздух для нового вопля, – понимаю, у вас тяжелая работа, да и день нелегкий, скорее всего... У меня возникло стойкое ощущение, что эти беспочвенные обвинения выдвинуты со стороны капитана Бреггера, неоднократно вставляющего палки в колеса нашему отделу и вообще негативно относящегося лично ко мне, к вам и к жандармерии в целом.

– Моррисон, – рявкнул он, но уже не так громко, – я отзываю твою лицензию к Хиусу!

– Можно я все объясню, господин старший инспектор? – робко спросил я.

– Опять будешь упражняться во вранье? Как ты любишь? – ядовито спросил Стокер.

– Даже в мыслях не было, господин старший инспектор. – Я прикрыл трубку ладонью и повернулся ко всем спиной. – Инспектор Палмер ввел меня в курс дела...

– Я ему голову оторву... – рыкнул Стокер, не собираясь сдаваться.

– Так вот, – продолжил я, – по поводу произошедшего инцидента могу заявить, что мой осведомитель Макс Качински выполнял для меня сбор сведений в девятом районе Уркарда касательно подозрений в возникновении новых незаконных каналов распространения артефактов. В процессе чего, как выяснилось, действительно встречался с гангстером Хью по кличке Тарелка. Но никакого участия и отношения к бандитским разборкам в этом районе ни он, ни я не имеем, так как полученных данных еще слишком мало для каких-либо действий. И естественно, эти действия я согласую сначала с вами, сэр.

– Ага, согласует он, как же, – зло проворчал Стокер, и меня это немного подбодрило.

– Кстати, все забываю спросить, – я прокашлялся, – как поживает миссис Стокер? Не мучили ли ее новые приступы мигрени?

Стокер несколько секунд молчал.

– Это не относится к делу, – наконец прогудело в трубке, – но пока, хвала Змею, Эмма в порядке. Правда, врач сказал, что артефакт нужно скоро менять, так как он разряжается. Но...

– Я подумаю, что можно сделать, господин старший инспектор, возможно, в жандармерии окажется списанный образец...

– Так! Ладно! – Стокер сдался. – Позови мне к трубке Палмера, и завтра чтоб рапорт на столе у меня был не позднее одиннадцати часов...

– Есть, сэр! – Я вытянулся в струнку перед телефоном.

– О, святые боги!.. – простонал в трубку Стокер.

– Грег! – Я протянул трубку Палмеру. – Тебя.

Палмер взял трубку.

Я приблизился к задержанному.

– Последний раз я твою задницу вынимаю, мышь ты летучая, – прошипел я на ухо Максу, – мы еще с тобой поговорим об этом... И если хоть рот раскроешь...

Глава 2

Дом с привидениями и интересное кино

Повезло второй раз за вечер: когда я вернулся в зал, «Дворовые коты» только расселись на сцене, а народу существенно прибыло (потому гардеробщик и не мешал моему разговору).

Я даже заметил пару репортеров из «Фауд-Ньюс» – одного тощего папарацци и красивую шатенку в коротком жакете и обтягивающей юбке-карандаш.

– Из-за тебя, придурка, меня сегодня чуть не грохнули, – прорычал я Макс, пока мы пробирались к моему столику.

– Заг! Змеем клянусь... – начал он.

– Заткнись и старайся не попадаться мне на глаза пару дней, – ответил я, с трудом сдерживая ярость.

– Так ты не заплатишь мне гонорар? – спросил Макс, словно хотел сказать «неужели ты способен на такое?».

Я сжал кулаки и так посмотрел на него, что Макс тут же растворился в пространстве полутемного зала.

– Извините, – раздался со сцены голос конференсье Жака Бемоля, носатого и сухопарого, с подковообразной залысиной на лбу замечательного актера оригинального жанра, – я тут встретил каких-то подозрительных типов (он кивнул в сторону джаз-банды Роя), попытался узнать, что они тут забыли, но они несут какой-то бред. И я решил – пусть сами отдуваются. Давай скажи что-нибудь, Рой. Кажется, тебя так зовут?

– Дамы и господа! Желаю всем доброго вечера! – сказал Рой в микрофон. – «Дворовые коты» нагло пролезли в это приличное заведение, да еще и прихватили инструменты. Откровенно говоря, я не отвечаю за последствия...

В зале раздались смешки и жидкие аплодисменты.

– Если честно, мы шли на запах мышей, а мыши на запах сыра, поэтому наша первая композиция называется «Галлюциногенный сыр». Иван!

И контрабасист выдал вступительное соло, в которое аккуратным стаккато вклинился рояль.

Вообще Рой со своим саксом выложился по полной. Было видно под софитами, как с него течет пот. И лишний раз я убедился, что Рой – гений. И тексты интересные, но не тяжелые, и такое соединение стилей, что не всегда ясно, когда одно перетекает в другое. Да и вся его команда – такие же фанаты своего дела, только пианист – еще один сиблинг, остальные – единороды.

Я люблю многие стили, даже не брезгую иногда Деллу Люкс послушать, хотя она из попсы и ближе к шансону. Я люблю и бибоп, и прогрессив, и кул, и свинг, и диксиленд, и, можете смеяться, соул – местами, конечно. Как говорил ранее – даже рок-н-ролл. Но Рой умудрялся, используя элементы ритм-энд-блюза, сделать всю эту музыку единым целым. Как это у него выходит? Даже будучи сиблингом, тут нужен талант чисто человеческий, единородный, что ли. Ведь множество талантливейших единородов есть. У «Дворовых котов» есть будущее – я уверен...

– А сейчас то, что многие из вас ждали, кто-то даже слышал, а кто-то – нырнет первый раз! Парфийский дождь!

Сьюзи захлопала в ладоши, а моя дрожь окончательно утихла.

Да, кажется, с этого и началось мое грехопадение...

Все это я пытался вспомнить, лежа на незнакомой кровати в какой-то квартире-студии, через застекленную стену которой открывался красивый вид на набережную Даная, одетую в гранит, и Сауф-Сайд бридж с четырьмя терракотовыми башенками...

На отливах с другой стороны стекла был набит сплошной металлический лес из гвоздей – чтобы голуби не гадили, догадался я.

На столе стояла печатная машинка «Эрика» и визор с линзой экрана.

Слева на стене висела огромная авангардная картина, на которой треугольниками был изображен не то клоун, не то балерина, балансирующая на огромном фаллосе. Картина была выполнена в красно-зеленой гамме, и смотреть на нее было неприятно...

Слышался приглушенный звук льющейся воды из душа.

Хиус... как же опять трещит башка, да и шишка со вчерашнего на затылке набухла...

На столике рядом стоял запотевший стакан с содовой, где плавали два кубика льда, а рядом лежала таблетка аспирина. Какое-то время я смотрел на это, словно на наваждение или морок, наведенный каким-нибудь артом Ятима, что мастер иллюзий. Потом я потрогал стакан, и он оказался настоящим, прохладным и приятным...

Вечер прошел прекрасно, но сумбурно – понятно, что я дождался Роя.

Потом помню, мы сидели в примерке. Была вся группа «Котов» и несколько их групп ^[7]. Еще была Сьюзи и почему-то Макс. Кажется, мы устроили стратосферу – пытались пить слоеные коктейли из спиртных напитков, отличающихся по плотности (пиво, шампанское, аперитив, портвейн, водка или виски, да Змей еще знает что).

Что я могу сказать в свое оправдание? Да потерял я самоконтроль в этот день. Все же убивать по шесть человек это для меня не в зубах поковырять.

Пьянею я, конечно, весьма не быстро, но тут...

Зодиак великий... Что же потом-то было? Какое-то серое пятно, усыпанное конфетти и искрами бенгальских огней.

А!!! Помню, пришла журналистка из «Фауд-Ньюс», эта красивая девушка в обтягивающей юбке... Как же ее? Джил... Джо... А! Джоан Мэнфилд! Точно!

Она стала брать интервью у музыкантов. Рой как-то удачно перевел стрелки на меня, и мы с Джоан разговорились. Что-то она сказала про статью о сиблигах – служащих...

Потом стали играть в бутылочку, и возникла идея залезть на крышу. Кажется, я ударил Макса в печень... А еще он говорил мне про какую-то контрабанду из Парфии и что дело верное. Да! Я ударил Макса в печень за то, что он наплел про какой-то парфянский тост, где нужно сесть всем в круг, чтоб мужчина – женщина, чокнуться и по цепочке целоваться... Идиот... Естественно, возникли некоторые разногласия.

Дальше снова пятно. Потом да – я целуюсь с Джоан на чердаке «Синего бутона» среди каких-то пыльных декораций... Следующая картина – еду в такси... но не в офис... логично...

Я с некоторым облегчением заметил на полу у кровати свои брюки и кобуру «Соера». Пиджак и галстук висели на спинке стула. Да... Заг, прекращай эти выходки...

Хиус! Рапорт! Я вскинул руку с хронометром, без семи минут десять! Фух... До подачи рапорта оставался час, и я попытался понять, в каком районе нахожусь.

И тут в противоположной белой стене открылась белая дверь, из которой вышла девушка

с мокрыми волосами и в мужской сорочке.

– О! Заг! Ты проснулся? – улыбнулась она, и на ее щеках проступили милые ямочки.

– Да, Джоан, – я тоже улыбнулся ей, – спасибо тебе за содовую с аспирином, ты весьма предусмотрительна.

– Пустяки, – отмахнулась она, – хозяйка здесь я, и ты под моей защитой.

– Мне это нравится, – усмехнулся я.

– Обращайся. – Ее выражение лица было лукавым. – Хочешь принять душ?

– Я мечтаю об этом. – Я со стоном откинул одеяло и спустил ноги на пол.

Я принял душ, мы быстро позавтракали сэндвичами с кофе, после чего я собрался, погладив самостоятельно лежавшие на полу брюки. Потом, договорившись увидеться в ближайшее время (конечно, для написания статьи), я покинул гостеприимную Джоан.

Такси я поймал до «Синего бутона», чтоб забрать свой «роллинг» с парковки.

И ровно в десять часов сорок семь минут я вошел в здание полицейского департамента на Пиллар-стрит, 39.

Не могу сказать, что я был бодр и свеж, но на рапорт меня должно было хватить.

Поднявшись на третий этаж в наш отдел, я сначала направился в «комнату детективов», это у нас такой общественный кабинет с тремя столами, на которых стоят выцветшие от времени таблички с фамилиями давно уволившихся владельцев.

– Змей меня сожри! – Это первое, что я услышал, войдя в кабинет. – Сегодня Хиус случится! Кто к нам пришел!

За одним из столов, прикрывшись стопкой папок, сидел Диего Сантана – детектив второго класса, смуглый, с черными как смоль усами и широченной улыбкой на лице. Частенько с ним работаем, и я даже обрадовался, что встретил именно его. Толковый парень.

– Привет, Диего! – отсалютовал я ему. – Гороскоп тебе в помощь! Как там, на криминальном фронте?

– Ой, – отмахнулся он, – лучше не спрашивай, Заг. Эти уроды из департамента подпрягают всех на усиление. Так мы теперь в опорных пунктах должны день отрабатывать. Хорошо хоть не в патруль ставят! Уроды... Вот, думаешь, я тут чем занят? Жалобы соседей разбираю – сиблинг украл белье, у кого-то арт по ночам трещит; техники уже матом разговаривают – три бригады на всех! Я нажраться хочу, как подросток... Амиго, лучше ты расскажи – как концерт вчера?

– Да... – протянул я, усаживаясь за свободный стол и вынимая чистый писчий лист, – это все комиссар пытается себе социальных баллов набрать перед выборами прокурора. Концерт – шикарен, но, кстати, Бреггер – скотина...

– Небо голубое, а вода мокрая, – буркнул Диего.

– Я и говорю, – я обхватил голову руками, – вчера, прикинь, гангстеров постреляли в девятом...

– Да, слышал, – кивнул он.

– Так вот, сижу, – продолжил я, – никого не трогаю, наслаждаюсь музыкой и вижу – Палмер винтит моего стукача! Прикинь?! Бреггер гнида, пролечил шефа – Стокер орал на меня вчера, как потерпевший. Я чуть не оглох... Они совсем работать не хотят, шкуры йети...

– И не говори, амиго, – вздохнул Диего, – скорей бы уже комиссар Зеленский в прокуроры свалил. Так, а ты чего?

– Рапорт, – кисло улыбнулся я.

– Ясно, – хмыкнул Диего. – Кстати, Заг, ты не знаешь, у жандармов нет вакансий сейчас?

Свалить я думаю отсюда, амиго...

– Есть один человек у меня, – поразмыслив, ответил я, – переговорю с ним. Ты прав, валить отсюда пора. Не от Стокера, от «этих».

Я кивнул в сторону крыла, где находились кабинеты руководства.

– Вот я и думаю, поговори, если не трудно, – вздохнул он.

– Завтра увижусь с ним.

– Кстати, тебе из офиса твоего звонили.

– Алиса? – зачем-то переспросил я.

– Ну, если ты еще не сменил секретаршу, то да, – хохотнул Диего. – Ищет тебя, говорит, дело какое-то важное наклеивается.

– Спасибо, амиго, – кивнул я. – Сейчас от Стокера отмажусь по-быстрому, перезвоню ей. Стокер поворчал на меня, конечно же, но больше для порядка.

Я как можно торжественнее вручил ему свой рапорт, словно скрижаль древних богов.

– Заг, – он обрезал кончик сигары и прикурил от настольной пепельницы, – ты пойми, многие знают твои «кросс-шуты»^[8]. По тарелкам же стреляешь на соревнованиях. Ты же сиблинг к тому же. Да, улик ты не оставил, молодец, но Хиус тебя закрути, ты не мог как-то без своего стиля обойтись?

– Господин старший инспектор, – я почти не кривил душой сейчас, когда разговор шел открыто, – да, я поступил опрометчиво, согласен. Но поймите и вы меня. Честно, я не собирался палить в этой ситуации. Я приехал на фальшивую сделку, которую организовал Макс, и вот...

Я снял шляпу и нагнул голову, демонстрируя свою шишку, спрятавшуюся среди моих кудрявых волос.

– Что вот? – Стокер выпустил облако ароматного дыма.

– Камнем по башке получил, – признался я. – Ну тут уж рефлексы и взяли свое.

– Ясно, – заключил шеф. – В следующий раз меньше слушай своего стукача и больше думай, мне разборки с Зеленским не нужны. Понял?

– Да, шеф. – Я виновато потупился, да и было отчего – никто не виноват, а дурак все равно я.

– Свободен, – резко, но почти по-доброму рявкнул Стокер.

Я, естественно, больше люблю молоденьких девушек, нежели старух. Один старинный писатель сказал, что красота женщины – это божественная сущность, и когда она проходит, в женщину вселяется дух Хиуса. Мои добрые родители привили мне уважение к старшим, но Зодиак свидетель, кто поручится, что ему нравятся старухи, да еще и аристократки, да еще и в маразме, да еще... много чего...

– Но вы, господин артефактор, просто не видели! Это действительно были призраки Древних! Да и другие странные вещи! Я не выжила из ума! Даже Мардж, моя экономка, видела их!

Меня почему-то напрягало это ее «господин артефактор».

– И представьте, эти меднолобые констебли даже отказались выехать ко мне домой!!! Посчитали меня полоумной старухой!! И это несмотря на то, что мой покойный супруг был мэром нашего славного города! Спаси святой Фауд его душу... Я, конечно же, не собиралась давить своим положением в обществе... просто поймите, молодой человек, мне было это

неприятно...

Старуха раздражала почти всем. Точнее, не всем и даже не конкретно возрастом, а скорее своей непоколебимой уверенностью и дикостью того, что она так спокойно рассказывает, обижаясь на недоверие. Я где-то читал, что с сумасшедшими нужно соглашаться и быть вежливым.

Чисто старческое упрямство и напористость, визгливый голос, серые, водянистые, будто расплывшиеся глаза, старомодное (хоть и недешевое) серое платье в приторно-синий цветочек и обязательное массивное золотое пенсне на крючковатом носу. Возрастная пигментация на шее. Все мы будем такими когда-то...

Только призрачные надежды на заработок еще сдерживали мое жгучее желание сослаться на занятость и отправить ее к жандармам. Да еще я, хоть и уважаю некоторых потомков Основателей, но большинство аристократов вызывают во мне отторжение своей мнительностью и эгоизмом.

– Я понимаю ваше негодование, миссис Эгельберд, однако мне все же кажется, что это не совсем наш профиль...

Алиса, принеся кофе, благоразумно скрылась в приемной, оставив меня один на один с этим существом высокого происхождения.

Я сидел за потемневшим от времени дубовым столом, который приобрел за бесценок еще в начале своей практики, добиваясь солидности. На нем стоял желтый телефонный аппарат, старенький визор с небольшой линзой, и громоздились пирамиды бумаг и папок, из-за которых я с заинтересованным видом взирал на, с позволения сказать, клиентку.

– Как это не ваш профиль! – воскликнула она, явно взяв верхнюю си третьей октавы. – Вы же занимаетесь определением неизвестных мест! Вы сиблинг, в конце концов, с благословения Фауда, носящего знак Овна!

Последнее прозвучало как на церковной службе. Я не бывал на данном мероприятии с детства, но хорошо помнил подобные обороты. Вынужден признаться: в малолетстве родители отдали меня в церковный хор – надеюсь, именно поэтому у меня любовь к музыке.

– Не мест, – поправил я, – а артов или же их деятельности. В крайнем случае деятельности других сиблингов...

Миссис Эгельберд жаловалась на какие-то странные происшествия в своем родовом особняке: в ее доме завелись привидения! Ну как, скажите, к этому относиться нормальному человеку, пускай и погрязшему в долгах? Живет она в районе Основателей. В просторечии его называли Старым городом или Фаудом, старым Фаудом. Если верить учебникам истории, именно там больше трехсот лет назад был основан наш город. Отсюда и появление приставки «ню», так как Нью-Фауд – западнее, по крайней мере, центральная его часть.

Сам район располагался недалеко от закрытой Зоны Перехода, контролируемой жандармерией.

– А ведь вы правы! – сверкнула глазами старая ведьма. – Это может быть злокозненный сиблинг! Наверняка Ятима, носящего знак Скорпиона! Он же мастер иллюзий! Так его называли! Ведь в Писании сказано, что он всегда противостоял Фауду! Ибо Фауд, первый среди равных, отличался беспримерной святостью! Именно поэтому я и пришла непосредственно к вам! Вы же тоже благословлены Овном, а мой род всегда был осенен его благодатью! Потому я и обратилась именно к вам!

Да, в Нью-Фауде немало «господ артефакторов», но, во-первых, город у нас большой, а артов много. Во-вторых, не все из них сиблинги, и не все сиблинги потомки именно

Водолея. Существуют разные арты, которые помогают определять и взаимодействовать с другими артами. Есть куча узких специалистов, и я очень неплохо смотрюсь на общем фоне, хоть и не являюсь «самым из самых».

Жанна Луиза Эгельберд была отпрыском одного из древнейших родов Нью-Фауда, «из тех самых Эгельбердов», как говорили обычно. Ее благосостояние даже после всех перипетий рода и совершенно неуместных (на мой взгляд) пожертвований церкви, оставалось внушительным. И отшивать такого клиента было бы просто неразумно. Когда там мне та самая Дороти заплатит за арт.

– Ну что же, – я благосклонно кивнул, обдумав все за и против, – мне кажется, я вполне мог бы отправиться в Эгельберд-холл уже завтра и осмотреться на месте. В конце концов, помощь ближнему – наша первейшая обязанность, как учит нас святой Фауд.

Ее черты чуть смягчились, и я продолжил развивать успех.

– Остались сущие пустяки – обговорить стоимость услуг. Вы не подумайте, что я какой-то там корыстолюбец, просто очень часто приходится работать на государство...

– Да, эти муниципалы... – поддержала меня она. – Мой муж держал их в ежовых рукавицах. Если вы сумеете помочь, поверьте мне, вы останетесь довольны. Очень довольны! Слово Эгельберд!

Она поджала губы и стала похожа на жабу перед сакраментальным «ква!».

– Что ж, нисколько не позволю себе усомниться в вашем слове, мэм.

Я поднялся, и она протянула мне руку, обтянутую лайковой кожей перчатки, благоухающей дорогими духами. Вот это меня немного и раздражает – эта их манерность и дань традициям.

Тем не менее, вспомнив о кредите, я чинно прикоснулся губами к ее руке. А что делать?

– До встречи завтра на утренних Рыбах, – произнесла она величественно, словно утверждала новый законопроект в конгрессе.

И я проводил ее до дверей.

Вот почему нельзя было просто сказать – в одиннадцать утра? И озвучить сумму? Чтоб я мог понять, насколько мне нужно напрягаться... Змей бы побрал этих чудиков...

– Что вы думаете, шеф? – спросила Алиса, слегка приподняв правую бровь, когда вернулась за подносом с кофе.

– Запутанная история. – Я закурил сигарету.

– Когда вы так говорите, – с полуулыбкой сказала она, – значит, вы уже все поняли и напускаете туману, чтоб набить себе цену в глазах окружающих.

– Может, тебе на психолога лучше пойти, Алиса? – предложил я. – У тебя реально серьезный талант, а ты прозябаешь в «Белом квадрате».

– Вы же знаете, – парировала Алиса, – мне нравится моя работа, иначе я бы давно попросила расчет. К тому же без меня делопроизводство в конторе вымрет, как доисторические ящеры. У вас же нет такого таланта к этому, господин Моррисон?

– Я сто раз просил – Заг, называй меня Загом.

– Хорошо, Заг, вы так и не ответили, – вот ведь привязалась, – что вы думаете по поводу этой почтенной леди?

– А что тут думать? – ответил я, прихлебывая ароматный кофе, – тут все сложно. Надо все посмотреть, пощупать, изучить.

– Но она же сама сказала вам о злокозненном сиблинге? – уточнила она. – Значит, все понятно? Нужно только найти его.

– Да, все верно, Алиса, повелительница котов, – кивнул я, а она поморщилась, – но тут возникает ряд вопросов. Первое – бабушка, простите, миссис Эгельберд при всех своих связях не обратилась в полицию, и ее заявление про полоумную старуху – вранье.

– Почему? – удивилась Алиса.

– Так сама же и сказала, – хмыкнул я, – медноголовые констебли. Констебль это самый низший чин в полиции. При ее родословной и положении в обществе мне показалось странным, что она сразу не обратилась в НОБНОТ к Стокеру, который прыгал бы, как дрессированная собачка, при всем моем к нему уважении. Но по какой-то причине пожилая дама обратилась к частнику, зачем-то упомянув о констеблях. И это несмотря на то, что старушка скандальна и капризна, но ее терпят пока что. Потом она во время беседы теребила свои перчатки, словно хотела снять, но не давала себе этого сделать. Это, конечно, лишь косвенное утверждение, но вкупе с моим наблюдением подтверждает то, что женщина что-то скрывает и ее это тяготит. Вы, Алиса, как психолог, могли бы сделать тот же вывод.

– Я была в приемной, чтобы не нарушать вашу беседу, – оправдалась Алиса, никак не отреагировав на то, что я обратился к ней на «вы».

– Тогда придется поверить мне на слово, – ответил я. – Вы сами, Алиса, спросили мое мнение.

– Да-да, мне очень интересно. – И почему-то снова мне слышится скрытая насмешка.

– Так вот, – продолжил я с видом инспектора уголовной полиции в суде, – я не думаю, что она намеренно лжет. По всей вероятности, она заинтересована в решении проблемы, просто этому есть некие препятствия личного характера.

Все, что я о ней когда-либо слышал, это ее безумная набожность, изолированность от светского общества и крупные владения, которые она сдает в аренду. Но дела ведет за нее совет директоров. Какая связь между ней, некими артефактами и злокозненным сиблингом, это еще предстоит выяснить, так как в целом она не является какой-то важной целью для злоумышленника. К тому же ближайших наследников у нее нет. Да, она упрямая, скандальная и немного сумасшедшая, но это не преступление – это качество характера.

– Вот почему, Заг, вы всегда так не говорите, – задумчиво спросила Алиса, – чаще отшучиваетесь и ведете себя несерьезно?

– Да просто в данном случае... – Мои слова были прерваны телефонным звонком желтого аппарата на столе.

Я сделал знак Алисе, что возьму трубку сам.

– Экспертное агентство «Белый квадрат», Заг Моррисон, – сказал я в трубку.

– Привет, Заг. Не ожидал тебя услышать, – ответил знакомый голос, – нужно встретиться немедленно. Ты сможешь?

– Где? – только и спросил я.

– Где обычно, через час, – ответил голос. Дали отбой, наградив меня гудками.

– Ал, дорогая, я по делам, – сказал я, положив трубку на рычаг.

– Я сегодня вам нужна, Заг? – спросила она.

– Если у вас сегодня больше нет работы, то можете идти домой. Я буду около шести.

– Хорошо, шеф.

Нужно признаться в том, что на съем квартиры мне денег не хватает, потому я и живу в офисе. У меня есть маленький домик в окрестностях Нью-Фауда, в Бричес-вилледж. Но, как оказалось, земля там спорная из-за того, что раньше принадлежала железнодорожной

компании, где работал мой отец. Теперь мы судимся, но это не важно. Офис у нас неплохой, там даже есть ванна, в которой я люблю валяться в пенной теплой воде. И кроме приемной и кабинета, в котором я принимал «бабушку», есть небольшая спальня с широкой кроватью и видом на набережную канала Гренадеров. Район не самый центральный, но и не окраина – много зелени, маленькие кафешки, в которых я иногда питаюсь, хотя и сам готовить люблю, только времени не всегда хватает. Плюс не самые дорогие магазины и лавки, красивый храм Зодиака и мемориал павшим во Второй Горячей войне.

Звонок, который заставил меня выйти из офиса, был от Юна. Юн Сунь это мой, скажем так, бывший однокашник по академии, только учился он на другом факультете. Он потомок однородной древней расы, у него широкие скулы и желтоватая кожа. Он работает в Отделе разведки жандармерии (ОРЖ). К имени Юн он добавлял «эр», что означает «второй». А еще он сиблинг Рака-Парвиза. Собственно, получив лицензию «бета» и став внештатным сотрудником жандармерии, я получил куратора. И, почитав мое и его личное дело, нас закрепили вместе, так как власти любили контролировать людей, знающих друг друга давно. К тому же в этой иерархии я был немного ниже, а он выше.

Когда ко мне приходили государственные заказы от жандармерии, он просто должен был ставить подпись на бумагах и следить за соответствием действий. Но так как мы были давно знакомы, он иногда подкидывал информацию и разводил на частные заказы. Почему я говорю «разводил»? Обычно его заказы были весьма трудные, но и оплата была хорошая, даже очень. Но чаще он просто делился со мной информацией, пытаюсь с моей помощью сделать сложные вещи – неофициально. Такое бывало не часто, но регулярно. Собственно, именно к нему я собирался обратиться с просьбой о переводе Диего.

Из белоснежного сугроба вылез человек, одетый в металлические одежды, на его голове вращался круглый локатор, и мигали глаза-лампочки. Это был механический помощник Древних – робот.

– Ах, Джерри, – воскликнула красивая девушка в разорванном платье, – Древние проснулись!

– Не бойся, крошка! – Майкл Мур сурово нахмурился, сжимая в руках пистолет-пулемет. – Я остановлю их!

– О! Джерри, – ее юбка немного задралась, обнажая бедра, – я знала, что ты можешь нас защитить!

– У меня нет выбора, Джессика!

Я смотрел эту ерунду уже третий раз за месяц. Она называлась «Месть Йети». Фильм был второй категории.

В синема «Золотой жук» шли самые модные фильмы с лучшими актерами типа Энтони Гурва или того же Майкла Мура. А сейчас на экране улыбалась очаровательная Марина Монро. Энтони, на мой взгляд, полная бездарность со смазливой мордашкой, да к тому же и тупой как пробка. Вот Мур все же больше на мужика похож.

Трехзвездочный «Золотой жук» был недалеко от кольцевой дороги: угол Мэдисон-авеню и восточной Десятой. Это место и было нашей точкой для встреч с Юном.

– Ах ты, негодяй! – Мур выпустил в робота очередь из своего автомата, раздался звон металла – пули отскакивали от стального болвана, высекая снопы искр.

– Вам не победить посланника, – ровным механическим голосом произнес робот, при этом его лампочки-глаза мигали в такт словам.

Краем глаза я заметил на лестнице движение, но не повернул головы. В зале было мало

народу.

Юн обладал интересной способностью: он не умел становиться невидимым, как редкие таланты, но при этом как-то настраивал свой внешний облик, что можно пройти мимо него и не обратить никакого внимания, так называемый «отворот взгляда». Но я чувствую почти всех сиблингов, и на меня его способность не действует. Хотя слов нет, полезная способность, я бы такую очень хотел иметь.

Злобный Древний с неестественно выпученными глазами на жабьей морде схватил Марину за волосы и как-то неуклюже унижал, шатая ее из стороны в сторону, и таким же манером качал в руке свой мощный лучемер. При этом он утробно рычал.

– Привет, Заг, – прошелестело в моем правом ухе.

– Здравствуй, господин Юн! – Я слегка повернул голову.

– Ну, какой из меня господин, – усмехнулся он, – скорее я маленький змей. Или богомол.

– Твоя фантазия всегда была предметом моей зависти, – ответил я. – Не томи, что-то случилось?

– Да ничего особенного, – отмахнулся тот, – вопрос деликатный просто. Джордж Пакеда. Знаешь такого парня?

– Газеты читаю, даже визор иногда смотрю, Юн, – хмыкнул я, – это владелец сети магазинов «Белмарт».

– Я знал, что ты знаешь, – услышал я, – просто хотел, чтоб завязка разговора была обоюдная.

Да, я уже говорил, что он странный?

– Я очень рад, что ты так тонко умеешь подать информацию, – пришлось сказать мне.

– За это я глубоко уважаю тебя, Заг, – серьезно кивнул Юн. – Так вот ты так же, как молодой человек, хорошо сложенный и любящий нефритового зайца, знаешь или слышал, что у Джорджа есть дочь Анджела.

Под «нефритовым зайцем» Юн эр имел в виду мою половую ориентацию и некоторую повышенную тягу к противоположному полу. У него глубокая образная система. Да – я говорил.

– Так вот, – продолжил он, – его любимая дочь связалась с каким-то сомнительным типом, который обволок ее романтикой странствий и приключений, что само по себе не преступление, и красногрудые снегири пролетели между ними. Но произошла неприятная вещь: романтика толкнула трепетную лань вступить в отряд «сталкер-команд», чтобы отправиться за купол и познать жизнь во всех ее проявлениях. Плохо то, что она едва достигла совершеннолетия, и отец не без оснований считает, что дочь не совсем готова к подобному испытанию... К тому же она наследница крупного состояния и бизнеса.

– Почему он не обратился в полицию? Сейчас мода такая? – перебил я шепотом, вспомнив старушку.

– Большой Джо не хочет огласки, да и сам понимаешь: «сталкер-команд» относятся к департаменту АрНаТ. А они переправят это в НОБНОТ. Угадай, кому поручат это дело? Конечно, может, и не тебе, но ты можешь поработать бесплатно, то есть за пособие, а можешь за хорошие деньги. Да и благодарность от Большого Джо стоит немало. Решать тебе, Заг, уважаемый.

– Девочку вернуть, а что с парнем? – поинтересовался я.

– Постарайся объяснить ему, что он в состоянии тигра, а чтобы быть с Анджелой, ему нужно состояние дракона, – выдал он, – в общем, как ты умеешь.

– Хорошо, – кивнул я, – припугну.

– Мне думается, что ты справишься с этим.

– Я понял тебя, добрый Юн, – кивнул я вновь, – значит, нужно ехать к морю?

– Думаю, твои поиски приведут тебя именно туда, – согласился Юн.

– А смог бы ты, несмотря на свою услугу, узнать еще кое-что для меня? – спросил я.

– Если это в моих силах, уважаемый Заг. – Юн слегка кивнул. – И не говори об услуге, если ты сделаешь это дело – у меня появится хороший выигрыш, так что это нужно нам обоим. И что ты хотел узнать?

– Один хороший и талантливый парень хочет попасть в жандармерию. Устал он от нашего Бреггера, – сказал я, глядя, как Майкл Мур призывает в помощь себе с небес Змееносца, а Древний бросается на него с ножом, так как лучемет он выронил, пока мучил Марину.

– Если у нас получится наше несложное дело, я думаю, проблем с этим не будет. – Юн аккуратно поднялся, пригибаясь. – Я свяжусь с тобой в ближайшее время и оставлю необходимые контакты. До встречи...

Пока я выезжал с парковки, мне на аппарат в машине позвонила Сьюзи и сказала, что Дороти готова к покупке арта. Вот ведь, как говорится, то густо, то пусто.

Я согласился встретиться с ней в кафе «Шантан» ближе к восьми. Потом я поехал в офис, но по пути притормозил у лавки «Лекарства и артефакты Лесли».

Войдя в небольшое помещение, освещенное двумя софитами, и услышав знакомый перезвон колокольчиков на двери, я облокотился на стеклянный прилавок с дешевыми артами от различных недугов.

На звон вышел сам Лесли Адамс, высокий нескладный мужчина с лошадиной вытянутой физиономией и густыми бровями, которые делали его похожим чем-то на Франкенштейна. Он снабжал меня пирарцетамом сверх меры.

Ах да – еще старомодный черный сюртук. Вообще я давно по-доброму намекал Алексу, что его аптека больше напоминает похоронное бюро, но он искренне не понимал, о чем я.

– Здравствуйте, господин Моррисон, – прогудел он низким утробным басом, – рад вас видеть в добром здравии.

– Привет, Лесли. – Сколько я не убеждал обращаться ко мне по имени, он упорно называл меня господином Моррисоном, невзирая на наши с ним дела. – Ты один?

– Да, господин Моррисон, – кивнул он с лицом статуи.

– Попробуй сказать слово «Заг», – посоветовал я ему, улыбнувшись.

– Вы же знаете, господин Моррисон, я так воспитан: это часть моего характера. – Лесли попытался изобразить милую улыбку, которая больше напоминала оскал вампира, да еще и сверкнул двумя золотыми зубами.

– Извините, господин Адамс, – ответил я смиренно, – один из нас должен уступить, и пусть это будет покладистый сиблинг.

– Вы удивительно чуткий человек, и это отрадно, – произнес он с таким выражением лица, с каким обычно священник говорит над гробом «он был прекрасным человеком и отличным отцом», – вы хотели что-то спросить?

– Конечно же, господин Адамс, – кивнул я. – Рыбные ягоды.

И я с многозначительным видом вскинул брови.

– Сколько? – В его взгляде загорелись искорки.

– Около половины килограмма, – ответил я.

– Заходите в конце недели, господин Моррисон, примерно к вечеру пятницы. – Он попытался снова улыбнуться, но на середине этого действия передумал, и это получилось особенно жутко.

– Договорились, – подтвердил я, – до пятницы...

Глава 3

Семейный склеп и волшебный эликсир

Вечер со Сьюзи в кафе «Шантан», как ни странно, прошел вполне спокойно. Она всерьез была заинтригована нашей «тайной» сделкой и пришла на встречу в черном плаще и черных же очках. Во время разговора она внимательно изучала посетителей, а я, как мог, подыгрывал ей, втягивая голову в плечи и нервно бросая взгляды на хронометр.

Кафе «Шантан», пожалуй, самое демократичное место в городе и при этом не страдает от общества нищих, бездомных и мелких жуликов. В соседнем же помещении находится пятьдесят четвертый опорный полицейский участок, так что, если кто-то ведет себя вызывающе – все решается быстро.

Тут готовили очень вкусные пельмени, слово переводится с древнего языка как «мясное ухо» – маленький сочный и ароматный кусочек фарша, сваренный в нежной обертке из теста.

В этот день на сцене выступало варьете-шоу «Нимфетки», которым было сильно за тридцать. Но постановка номеров и подбор музыки были вполне терпимыми.

Затем, передав Сьюзи маленький саквояж с артефактом и получив от нее почтовый конверт с хрустящими банкнотами, я, сославшись на важное расследование, свалил в офис. Алисы уже давно не было. Я сделал пару важных звонков: один Максу, другой Чарли.

Принял теплую ванну и, включив любимую волну «Джаз-бомб», уселся в кресле разгадывать кроссворд из «Дейли Фауд», закулив сигарету и потягивая виски с кофе. Я нуждался в чем-то уютном, домашнем и позитивном. Это были те редкие и любимые мною моменты, когда дела идут сами собой, независимо от меня, и когда я могу просто послать все в Хиус! Интересно, семейная жизнь сможет что-то предложить взамен? Змей только знает.

Перед тем как уснуть, я включил электрическую лампу на прикроватной тумбе и около часа читал томик Гарри Гранта «Затерянный Купол» – нравится мне, как Гранд пишет. Хоть и фантастика, но сугубо научная, без всяких там чудес Древних и выдумок для чувствительных дамочек.

В этом позитивном настроении я и заснул, прислушиваясь к приглушенным звукам большого города...

Утром среди серой небесной хмари показался бледный диск солнца, и даже это согрело душу.

Алиса приходит в офис ровно к десяти, и к этому времени я чаще всего одет, умыт и побрит. Да и визит к старушке требовал внимания к внешнему виду, а то вдруг как благодарность ее увянет.

Дверь в прихожей открылась, когда я завтракал тостами с беконом и сыром, ожидая, когда остынет кофе, и просматривал свежий выпуск «Дейли».

В криминальной хронике обнаружилась коротенькая заметка про стрельбу в девятом районе Уркарда, и да – это гангстерские разборки.

Мы с Алисой попили кофе, и я выдал ей небольшую пачку хрустящих банкнот, чтобы она расплатилась по нашим счетам, и отдельно отсчитал ей на карманные расходы.

А потом поторопился к парковке. Нужно было еще успеть купить новую шляпу взамен

испорченной...

Да, сэр, наша жизнь это сплошная суета, и если разобраться, то суета, не имеющая какого-то глубокого смысла. Но стоит тебе остановиться, получить долгожданный покой, как у тебя возникает время задуматься, и тут же понимаешь: все тщетно, смешно и глупо. И если у тебя есть смелость и стержень характера, ты фыркнешь, как одичавший конь, потряся головой, прогоняя этот мозговой кисель, и рванешь дальше, соблюдая общие правила, пытаясь обскакать соседа, стараясь не заморачиваться вопросом – а что там, на финише?

Светофор подмигнул зеленой стрелкой вправо, и мой выдавший виды «роллинг», хрустнув сцеплением, вишневым молнией выехал с Биггл на Монтгомери-стрит и устремился к Старому городу. Привычно переключив скорость и нажав на акселератор, я рванул вперед.

Это была не просто улица, а, можно так сказать, правительственное шоссе на шесть полос, ибо оно, пересекая кварталы Основателей, устремлялось к Зоне Перехода. Оттуда, с той стороны, приходило сырье: лес, лед, артефакты Древних, а порой и грузы из других Куполов. А это означало довольно плотное движение грузового и спецтранспорта, хоть экспедиции «сталкер-команд» не такие и частые, все это нужно обслуживать, складировать, кормить, да и довольно крупный порт там. Часть грузопотока шла по реке, хотя в основном там ходили только лесовозы.

Когда подъезжал к границе Старого города, пейзаж стал меняться. Появилось больше зелени (пусть сейчас и по-осеннему увядшей), высотные дома уступили место коттеджам и старомодным двух- и максимум трехэтажным домам барачного типа с аляповатыми украшениями по торцам и двускатными крышами. Это неувовимо возвращало в детство...

Однако мой путь пролегал не сюда. Свернув с трассы на одну из узких улочек, я направил машину на восток. Там располагались богатые (или когда-то бывшие таковыми) особняки. Улочка привела меня на небольшую, но довольно известную Талер-стрит, где в тиши и тени вековых дубов и вязов притаились роскошные дома (если не сказать замки) бывших хозяев города. Теперь среди сильных мира сего было модно покупать недвижимость на побережье или же на островах. В любом случае где-то подальше от города, чтобы не раздражать потенциального избирателя, однако в старые времена аристократические семьи предпочитали быть ближе к горнилу власти. Ну и как говорится – себя показать!

Я притормозил около замшелой стены, то ли декорированной, то ли и верно сложенной из дикого камня, рядом с массивными чугунными воротами с облупившейся краской на грубоватых железных цветах.

Вокруг стояла тишина, изредко прерываемая только вороним граем да редкими и тихими гудками машин, словно из другого мира.

Бледное солнце на сером небе красиво подсвечивало силуэт дома и чугунных ворот, и мне почему-то пришло в голову, что своей безмятежностью картина здорово напоминает старинное кладбище.

Я ухмыльнулся своим мыслям. И, вынув пузырек, закинул себе две таблетки пираретама. Как только я вылез из салона, ко мне вроде бы ниоткуда немедленно подбежал мальчуган лет двенадцати.

– Это вы приехали победить привидений, сэр? – с детской непосредственностью выпалил он, глядя на меня темными, пытливыми глазами.

На нем было бурое кепи в клетку, того же цвета курточка, а в руках он держал большую жестяную лейку.

– Ты чей будешь, парень? – спросил я, захлопывая дверцу машины и достав пачку

сигарет.

– Я сын Гредли, сэр! Мой папа – садовник. Вот увидел, как вы подъехали, и решил посмотреть. Это ж вас позвала миссис Эгельберд сражаться с призраками? Вы настоящий артефактор?

– Да, мальчик, я артефактор, – важно кивнул я, напустив таинственный вид, – а это, значит, Эгельберд-холл?

Я кивнул в сторону ворот, выпуская дым.

– Да, сэр, – кивнул он, с любопытством разглядывая меня, – это дом миссис Эгельберд.

– А что там насчет этих призраков? – поинтересовался я как можно небрежнее, – ты сам-то их видел?

Он чуть не подпрыгнул с досады.

– Да меня же в дом по ночам не пускают, сэр: мы с папой в отдельном доме живем, около пруда. Но зато, – он заговорщицки понизил голос, – я слышал, как они разговаривали!..

Со стороны ворот раздался жуткий скрежет, и я невольно обернулся. Скрипела, оказывается, калитка, которую я не сразу заметил, а из нее вышел высокий седовласый мужчина в немного поношенной, но безукоризненно чистой ливрее и белоснежными бакенбардами на морщинистом лице, словно высеченном из гранита. На вид ему было под восемьдесят, но осанка и походка у него были идеальными.

– Доброе утро, сэр, – проговорил он утробным басом, – госпожа Эгельберд просила меня встретить вас.

Я покосился на то место, где только что был мальчуган – того и след простыл.

– Благодарю вас, – я дотронулся большим и указательным пальцами до шляпы, – как мне вас величать, сэр?

Я решил вернуть ему этого «сэра», так как, по мне, все это выглядело несколько театрально. Но тот и глазом не моргнул – вот что значит многолетняя выучка: назови я его бегемотом, эффект был бы тем же.

– Себастьян Стовангер, дворецкий семьи в пятом поколении, – он чинно поклонился, – прошу за мной сэр, госпожа ожидает вас.

Я проследовал за Стовангером на территорию поместья. От ворот шла мощенная отшлифованными камнями дорожка, довольно, надо сказать, заросшая и покрытая опавшей листвой. Вокруг нас обступали старые вязы в несколько обхватов, а вдоль нашего пути росли сиреневые кусты, за которыми явно пытались ухаживать, но к осени предали забвению. В глубине парка стоял пятиэтажный особняк в стиле Основателей – с двумя башенками по краям здания и большим балконом на уровне третьего этажа, обрамленным мраморными балясинами. Изящные, хоть чуть и позеленевшие колонны, поддерживающие балкон, оформляли широкую террасу, в глубине которой располагалась массивная двустворчатая дверь с чугунными узорчатыми ручками.

Перед входом в особняк была небольшая круглая площадка, центр которой украшала клумба, пестреющая разными цветами, составляющими символ Овна. Было видно, что за этим местом ежедневно и тщательно ухаживают – даже опавшая листва там отсутствовала. Вспомнив разговор с моим новым юным другом, я завертел головой и вскоре обнаружил искомое – край берега довольно большого пруда, располагавшегося за левым крылом особняка. Домик садовника отсюда был не виден в причудливом переплетении голых ветвей и вечнозеленых кипарисов, а значит, он стоял на другом берегу в глубине парка.

Мы проследовали через прихожую с потемневшими от времени обоями, имевшими

изначально, видимо, персиковый цвет, и остановились на пороге небольшого зала, выполняющего функцию гостиной.

– Мистер Заг Моррисон! – громко и торжественно, хорошо поставленным голосом прокомментировал мое появление Стовангер и, чуть поклонившись, сделал шаг назад, как бы давая возможность мне войти. Хотя, как по мне, места здесь было и так выше крыши.

Большого труда мне стоило подавить ироническую усмешку.

Пахло некоторой затхлостью, унынием и пылью. А может, плесенью? Или – старостью.

В гостиной пылал камин, над которым раскинулся слегка закопченный герб семьи. На нем был изображен вставший на дыбы олень, держащий на рогах солнечный диск, и девиз: «Борись за счастье». Он представлял как бы центр комнаты, с двух сторон от которого, изящно изгибаясь, сверкали отполированными дубовыми перилами мраморные лестницы. Напротив высился витраж окна, а по центру зала стоял терракотовый стол времен Великого Заселения. Громко стучали маятником настенные часы, и вдруг раздался мелодичный перезвон их колокольчиков. Часы явно старинные, вместо цифр там были изображены знаки зодиака, и стрелка была ровно на рыбах.

За столом, преисполнившись достоинства, сидела хозяйка особняка, потягивая (судя по запаху) ромашковый чай или что-то явно цветочного происхождения.

Она чем-то неуловимо напоминала добрую фею, которую уволили из детских сказок на пенсию.

– Доброе утро, мистер Моррисон, – она качнула потемневшей серебряной ложечкой в сторону больших маятниковых часов на стене, – Дэрря осенила нас (правой рукой она сделала в воздухе круговое движение вокруг лица), вы пунктуальны, это важное качество для молодого человека.

– Одна из моих слабостей, – решил сострить я, слегка кланяясь, – раз уж мы договорились с вами, я обязан выполнять свои обязательства.

Непроницаемое старческое лицо даже не дрогнуло.

– Я бы назвала это достоинством, – проговорила она. – Присаживайтесь. Не желаете ли отвара? Или кофе?

– Благодарю вас, миссис Эгельберд, – я слегка покачал головой, – с вашего позволения, я приступил бы к делу.

– Хорошо, – снисходительно кивнула она, – с чего же вы начнете свои разбирательства?

– Для начала я бы хотел, чтобы вы подробнее рассказали о... гм... проявлении потусторонних сил. Потом я бы желал побеседовать с прислугой, если это возможно, а уж после этого можно будет осматривать дом. Вот, к примеру, скажите, эти явления происходят только по ночам?

– Да, в основном в ночную пору, – задумавшись, ответила старушка, – хотя Себастьян рассказывал о том, что замечал нечто странное и днем.

– А в чем это выражается?

– Ночью слышны приглушенные голоса, шепот. Я сама видела странные тени, появляющиеся в темных углах библиотеки и даже здесь, в гостиной! Некоторые вещи, которые с вечера оставляли на одном месте, утром появляются на другом...

– Понятно, – покивал я. – Могу я побеседовать с прислугой?

Миссис Эгельберд милостиво кивнула.

– Конечно, мистер Моррисон, чувствуйте себя как дома. Однако штат прислуги чрезвычайно невелик. Себастьяна вы уже знаете, а кроме него на территории усадьбы

проживает моя экономка Мэри и этот пьянчуга Гредли со своим сынишкой Бобби, они занимаются садом, однако не так часто бывают в доме. Я не увольняю его только из-за сына, да и прислугу сейчас приличную найти весьма непросто...

– Я мог бы побеседовать с ними с глазу на глаз?

– Конечно. Себастьян! – властно произнесла она, – отведи господина Моррисона в комнату для переговоров и собери прислугу.

– Как прикажете, миссис Эгельберд, – поклонился дворецкий. – Прошу за мной.

Мы поднялись на третий этаж и, проследовав вдоль широченного балкона, зашли в довольно просторную вытянутую комнату с длинным овальным столом посередине. Одна из стен представляла собой сплошное окно. А вдоль другой висели портреты фамилии Эгельбердов со времен Основания.

Извинившись, Стовангер меня покинул, и минут двадцать я тупо рассматривал портретную живопись. Я не могу сказать, что являюсь страстным поклонником и ценителем живописи, мне больше по душе фотография и современный дизайн. Но одна моя бывшая любовь была художницей, так что я представлял себе процесс, и как раз именно труд художника впечатлял меня больше, нежели какой-то смысл или глубина образов. А здесь висели картины явно не безруких представителей этой профессии.

Особенно меня впечатлил основатель рода – с широченной седеющей бородой, ожерельем на груди со сверкающим символом Овна на бирюзовом фоне и впечатляющей горкой всевозможных артефактов, лежащих перед ним на трюмо. Сначала я не понял, что это такое, подумал, будто это какие-то драгоценности, но потом, приглядевшись, узнал обводы некоторых артефактов, с которыми имел дело и сам. Подпись под портретом гласила: «Франц Уильям Эгельберд, 1734».

Он словно внимательным и проницательным взглядом смотрел на меня, и по телу даже пробежали мурашки – я опустил лицо, отгоняя наваждение.

То ли от созерцания нарисованных артов, то ли по какой-то другой причине у меня стало покалывать в затылке – так всегда, когда я думаю об артах или чувствую их, либо какого-то другого сиблинга. Хотя это же чувство на мгновение возникло у меня, когда я беседовал с хозяйкой дома. Конечно, ее медальон на шее явно арт. Просто я не понял, какой именно.

Разглядывая картину, я вдруг обратил внимание на то, что в отличие от других предков эта работа была тщательно протерта от пыли, в то время как на других картинах пыльные разводы на самих полотнах и уж тем более на рамах были в изобилии. Естественно, протирали и другие картины – о чем говорили дугообразные полосы тех самых разводов. Но явно не часто и не особо тщательно. Или же тут каждую картину приводят в порядок по очереди? Наверное, родоначальник Эгельбердов был в особенном почете у старой Жанны Луизы.

Тут в дверь постучали, и в комнату просочился, как привидение, невозмутимый Стовангер.

– Прислуга ожидает за дверью, – доложил он с неизменным поклоном, – однако Гредли, да простит меня Великий Фауд, в состоянии грогги, и разговор с ним представляется невозможным.

– Ну что ж, – рассудил я, – с ним разберемся позже. Однако прежде чем вызывать прислугу, ответьте мне сами, что вы видели или слышали в этом доме?

– Извольте, сэр, – кивнул Себастьян. – Это началось около месяца назад. Сначала мы

начали слышать какие-то странные звуки по ночам, то ли шепот, то ли гудение, я сперва думал, что это ветер в дымоходах. Видите ли, сэр, дом довольно старый, печи давненько не ремонтировали, и я решил...

– Но вы поменяли свое мнение. Почему?

– Потому что, сэр, недели две назад я кое-что увидел...

– Что же?

– Извините меня, сэр, я не хочу, чтобы вы подумали о том, что я выжил из ума, но две недели назад, – он понизил голос, – я зашел ночью в библиотеку. Я забыл там связку ключей от дома и, зайдя туда с фонарем, увидел на противоположной стороне зала фигуру в капюшоне, будто сотканную из мрака, сэр! То есть на него словно падала тень неизвестно от чего, он стоял на фоне окна.

– А почему вы не включили свет в библиотеке?

– Газовые лампы не работают, а ремонтника мы ждали только в среду. Электричество у нас только на верхних этажах.

– Так... и что вы сделали?

– Убежал за Гредли, сэр! – пожал плечами Стовангер. – Я отсутствовал всего пять минут, но, когда мы с садовником пришли, в библиотеке уже никого не было.

– Что-нибудь еще?

– Да немного, сэр. С тех пор повсюду на первом этаже слышатся какие-то приглушенные голоса. Но, к примеру, со своих мест пропадают керосиновые лампы, один раз стремянка исчезла из кладовой и оказалась в гостиной.

– Спасибо, мистер Стовангер, – я удовлетворенно кивнул, – пригласите следующего.

Дворецкий поклонился и вышел.

Через минуту передо мной стояла чуть испуганная женщина лет сорока. У нее было широкое, рябое, веснушчатое лицо. Серые глаза ее покраснелись, будто она недавно плакала: ее руки теребили кружевной платок, и взгляд бегал по сторонам.

– Здравствуйте, меня зовут Заг Моррисон. Я артефактор, – ободряюще сказал я, указав на ближайший стул. – Миссис Мэри, если не ошибаюсь?

– Да, сэр, – ответила она плаксивым голосом, – я экономка в особняке госпожи уже года четыре.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4lg>

Серв – раб, помощник. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Арт – общее название для различных высокотехнологичных предметов – артефактов – с уникальными свойствами, оставшихся от древней погибшей цивилизации.

Головной генератор.

«Трезубец» – самое высокое здание в центре города с тремя башнями.

Педжент – передвижная сцена в средневековом театре, применявшаяся при постановке мистерий, театрализованных процессий и пьес.

Комильфо – как требуют приличия. В данном случае – несоответствие принятым нормам (*фр.*).

Группи – известный с 1960-х годов термин, объединяющий поклонниц поп- или рок-группы, сопровождающих своих кумиров как во время гастролей, так и в спальне (*англ.*).

Перекрестная стрельба.